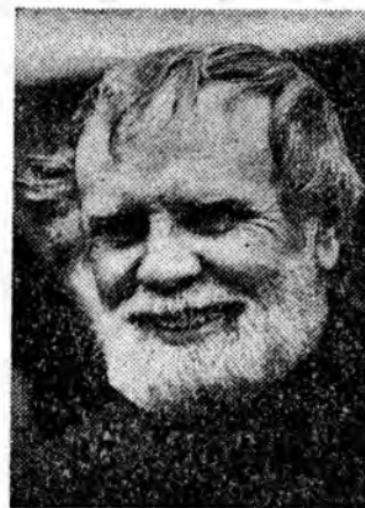

«Выживет народ — будет и литература»

Писателю Василию Белову — 60 лет

Какое-то странное время: сколько ни брыкайся — все равно ты уже упакован в некую политическую ячейку. Интересно, какой политической «ориентации» соответствуют беловские герои — Иван Африканович, Костя Зорин, Мишка, который «всем Мишкам Мишкам»? И вообще: понимают ли смешные люди, засевшие в политику, что глубинная Русь их просто знать не знает?

— Василий Иванович, если бы сейчас сели за новый роман — его героя непременно получили бы политическую окраску! И вообще — что такое современная беллетристика? Почему так упорно отмалчивается ваше литературное направление?

— Я недавно читал Игнатья Бренчанинова, почти неизвестного сейчас церковного литератора. Чистейший язык, поразительная сила духа. А возьмите писания оптинских старцев, Иоанна Кронштадтского, протопопа Аввакума? У нас искусственно разделяли литературу на стародавнюю и современную. Первую замалчивали, а от второй требовали сиюминутных оценок. Но это ведь уже не литература, когда авторы торопятся наперегонки просклонять устами героев вчеры или ГКЧП.

Сейчас вопрос надо ставить по-иному: если народ сохранится физически — будет у него и литература. Сегодня читатель жаждет исповеди, документа. И потому для меня, например, важнее не новый роман, а глава, которую надо дописать в «Год великого перелома».

— А почему важнее! Разве общество не нуждается в оценке того, что такие были для нас эти последние семь лет?

— Общество, извините, нуждается в картошке, молоке и штанах. И никто, кроме российского крестьянина, этих прозаических вещей ему не

даст. А крестьянина у нас лупциают все, кому не лень: пьяница, бездельник, неумеха.

Я поддерживаю Ельцина: бессильные колхозы надо ликвидировать. Но ведь этого мало, где ваша аграрная политика? Разогнать — дело нехитрое. А крестьянские банки с льготным кредитованием, а консультационные пункты, а базы, на которых единоличник может купить технику и материалы?

Вот вы, небось, думаете, что демократы — это те, кто на митингах кричит громче всех. А наш северный крестьянин испокон века жил по канонам демократии. Сейчас говорят: разрушение деревни началось с колхозов. Но ведь это не так! Мужик наш — по натуре колхозист, потому и пошел в колхоз. А вот когда его лишили демократизма, когда лишили возможности выбирать председателя — тогда и сломалась деревня.

Крестьянин не верит власти. И он, поставленный на колени десять раз, имеет право не верить. Сегодня ты мне декрет про землю суешь, а завтра придешь с пистолетом опиcывать мое хозяйство. Нет, одним декретом сегодня никого не купишь...

— Вы обмолвились о физическом выживании народа. А в духовную его силу вы не потеряли веру? Признаться, както не по себе становится, когда вся страна по полгода плачет либо над «Рабыней Изаярой», либо над «Богатыми...».

— Не это самое страшное. Для меня куда тревожнее то, что по несколько раз на дню в каждый дом с телевизора сходит наш современный Смердяков и убеждает нас, в какой ничтожной, вонючей и нищей стране мы живем.

Я тоже когда-то работал в газете. От ошибок не застрахован никто. Однажды я ошибся: написал, что один колхозный бригадир украл сено. Как тогда бывало: райком, гром и молнии, скандал. Ладно, садимся на лошадь, едем в этот колхоз. Там все сидят — сычи сычами. Я смотрю — на шкафу лежит гармонь. Снял, заиграл «Барыню». А бригадир, герой моего фельетона, — фуфайку оземь и пошел в пляс. Если бы так разрешались все конфликты...

В. КАРКАВЦЕВ.
Вологда.